

В 1967 г. мной был обнаружен фотоснимок украшенного дробницами нагробного покрывала, но найти его тогда в фондах Ростовского музея не удалось. В путеводителе 1886 г. о покрывале нет никаких сведений. Однако во 2-м издании «Описания» священника В. Мансветова уже помещены весьма ценные сведения: «Покров нагробный, (длиною 3 аршин 8 вершков, шириною 2 аршина 4 вершка) из малинового бархата. В середине покрывала кружками из серебряной канители вышит осмиконечный крест с подножием; в кружках в позднейшее время вставлена 51 металлическая дробница с изображениями разных святых. Над крестом вышита надпись: «Царь славы. Ис. Хс.», по краям, из той же канители, вышиты изображения трости и копия и обычные буквы «ника. м. л. р. б.», а в подножии вышито изображение смерти и букв «г. а.». По кайме покрывала, из зеленого бархата, той же канителью вышито: «Лета 7194 месяца августа в 4 день, на память Святаго Петра Митрополита, во 2-ом часу ночи, против 5-го числа, преставился раба Божия боярыня Елена Васильевна, жена боярыня Петра Михайловича Салтыкова, а память тезоименитства ея мая в 21 день. А тело ея положено на Костроме, в Богоявленском монастыре» (из Богоявленского Костромского женского монастыря)¹. Приведенное описание покрывала почти дословно повторено в «Путеводителе» И.Н. Богословского, напечатанном в 1911 г.² Более всего озадачивала фраза о том, что дробницы вставлены «в позднейшее время»: многократно рассматривая через лупу хорошие по качеству воспроизведения (рис. 1), трудно было отнести резьбу даже ко второй половине XVII в., а не к предыдущим десятилетиям.

О времени исчезновения покрывала можно было теряться в догадках: увезен в Москву, возвращен в Кострому, передан «в пользу голодающих»... Если дробницы определены как поздние, то их могли отправить в переплавку. Оставалось хотя бы воспроизвести найденный снимок, в качестве иллюстрации к ранее напечатанному описанию, чтобы произведение совершенно не пропало для науки. Между тем недавно выяснилось, что искомым покрывалом, размером 248x156 см, все же отыскан и хранится в фондах Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»³. При осмотре оказалось, что, однако, все до единой дробницы спороты. Возникло было подозрение об их исчезновении в советский период. Но, к счастью, сохранились инвентарные книги конца XIX в., в которых сделана запись непосредственно при получении покрывала (инв. № Ц-88/9; У. 809. 1), в которой уже зафиксировано отсутствие дробниц. Поэтому совершенно невозможно понять мотивы, побуждавшие говорить в печати о наличных 51-й дробнице, которых в действительности уже не было. Даже на снимке, по-видимому, сделанном еще в Костроме, их всего 49. Итак, дробницы с покрывала сняты еще в Богоявленском Костромском женском монастыре в 1888 г., перед передачей предмета древности в Ростов⁴. Именно поэтому в приведенном описании не перечислены святые, изображенные на дробницах. В борьбе с «описательным искусствоведением» позже нередко игнорировали иконографический состав изображений, который может представлять значительный интерес как исторический источник.

Казалось бы, такой подход совершенно исключен по отношению к давно утраченным дробницам покрывала боярыни Е.В. Салтыковой, о которых сейчас возможно судить лишь по их воспроизведению на снимке, с диаметром 0,5 см. Судя по обрамлениям, размеры исчезнувших дробниц составляли при диаметре 5,6 и 6,8 см. Следовательно были представлены как бы два набора. Только благодаря многократному увеличению и компьютерной распечатке удалось сделать изображения распознаваемыми и в большинстве случаев стало возможным прочтение сопроводительных надписей⁵. Это, в свою очередь, делает реальным редкое воссоздание утраченного комплекта дробниц, служивших образцами элитарного направления в русском ювелирном искусстве XVII в.

Поскольку в надписи на покрывале содержится указание на смерть боярыни Е.В. Салтыковой в ночь с 4-го на 5-е августа 1686 г., надо предположить выполнение шитья в ближайшее последующее время, а изготовление многочисленных черневых дробниц специально могло надолго задержать работы. Иначе говоря, необходимо уяснить, в какой мере нагробный покров из Костромы можно рассматривать как произведение искусства конца XVII в. Число введенных в научный оборот русских нагробных покрывал, украшенных подобными дробницами, очень невелико, и поэтому крайне трудно безошибочно найти среди них место новой находке, тем более – не сохранившейся целиком в оригинале. Дата изготовления самого покрывала в сущности так или иначе привязана к обозначенной в памятной надписи. При обращении к покрывалам с царских гробов можно заметить, что здесь видим специально

изготовленные комплекты дробниц, с тщательно продуманной иконографической программой, хотя и обнаруживающие несколько индивидуальных манер в исполнении. Это вполне естественно. Особо надо подчеркнуть, что большая перекладина креста выложена дробницами, составляющими деисусную композицию, иногда дополненную по концам прямоличными изображениями (рис. 2). Не решаясь абсолютизировать наблюдение, все же можно говорить о преобладании пятифигурного и семифигурного вариантов.

О том, как располагались подобные покровы на надгробиях, позволяет судить снимок убранства усыпальницы Ивана Грозного в Архангельском соборе Московского Кремля⁶. Надгробные покровы с крестами, выложенными из золотых или чаще серебряных дробниц с черневыми изображениями входят в обиход московских царей, а также князей, скорее всего с XVI в. Пока сохранившиеся памятники не систематизированы, – преждевременно делать общие выводы. Можно лишь с уверенностью сказать, что в начале XVII в. это вошло в обычай, о чем, в частности, свидетельствуют данные лаврской Описи 1641 г. о богато украшенных покрывах с гробов Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре: «покров бархат червчат, гладкой крест на нем из дробниц серебряные золоченые, в кресте сорок шесть дробниц, а на них начертаны святые, ... кладется на гроб царевича Федора Борисовича», «покров бархат черн на нем крест, а в кресте шестьдесят четыре дробницы круглых золотых, начертаны на них святые чернью, посреди креста дробница большая золотая ж гранью четверугольна, углы круглые, а на ней начертаны страстотерпцы Христовы Борис и Глеб наведены чернью, ... а дал те покровы государь царь и великий князь Василей Иванович всея Руси по царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Руси, во иноцех Боголепе», «покров бархат черн крест на нем, дробницы серебряные золочены, а в кресте сорок шесть дробниц, а на них начертаны святые, ... кладется на гроб царевны иноки Ольги Борисовны»⁷. В первоначальном виде сохранился лишь покров на гроб царевича Федора. По словам Л.М. Спириной, «подбор святых сделан с определенным смыслом и, как подмечено исследователями, обычен для произведений искусства, связанных с Годуновым. Это прежде всего изображения Троицы, деисуса, тезоименитых святых семьи Годуновых – благоверных князей Бориса и Глеба, Федора Стратилата и Федора Анкирского, Марии Магдалины и Ксении Римлянки, а также местных святых Троицкого монастыря – Сергия и Никона Радонежских»⁸. Предполагается, что комплекс дробниц на покрыве царевича Федора выполнен в первой трети XVII в., не позже 1641 г., когда сведения о нем внесены в Опись.

Количество дробниц на покрыве не было стабильным, хотя в приведенных описаниях чаще всего встречается 46. Покров на гроб царевича Ивана Михайловича, выполненный в мастерских Московского Кремля, при участии знаменщика Ивана Гомулина, в 1639 г., имеет 51 золотую дробницу с черневыми изображениями, как и покров боярыни Е.В. Салтыковой в его первоначальном виде⁹. Принято считать, что подбор сюжетов соответствовал датам жизни покойного, патрональным святым его родителей, семьи и царской династии в целом. На уже упомянутом покрыве 1639 г. (рис. 2) надо отметить кроме деисусной композиции, составленной из 7-ми медальонов, изображение Троицы (вверху) и образы русских святых, в том числе князей. На шитом покрыве на надгробие царевны Софьи Михайловны, начала XVII в., всего 39 дробниц (рис. 3). Здесь, разумеется, иной сюжетный состав изображений, причем в верхнем перекрестье образ Богородицы Знамение, внизу в центре – Нерукотворный Спас, с обращенными к нему в молении святыми, представленными рядом в медальонах. При этом следует заметить, что подобные дробницы с гравированными изображениями, в различном сочетании, порой украшают также оплечья фелоней конца XVI – третьей четверти XVII вв., подаренных представителями русской аристократии в Троице-Сергиев монастырь¹⁰.

Восьмиконечный крест на трехступенчатом основании на нагробном покрыве 1686 г. выложен дробницами таким образом, что 12 их них составляют его высоту, 9 – большую поперечную перекладину, 3 – малую верхнюю, 5 – нижнюю; основание имеет звенья из 3-х дробниц, а верхнюю часть – из 5-ти (рис. 4). Две нижних дробницы были утрачены ранее, до 1888 г. Иконографический состав изображений на дробницах, в соответствии с общей нумерацией (рис. 5), может быть после прочтения сопроводительных надписей представлен в следующем виде: 1) Господь Саваоф; 2) преп. Павел Обнорский; 3) св. апостол Петр; 4) преп. Кирилл Белозерский; 5) св. апостол Павел; 6) св. евангелист Марк; 7) св. Григорий; 8) св. Иаков Иерусалимский; 9) св. Иоанн Предтеча; 10) Богородица Знамение; 11) св. Иоанн Златоуст; 12) св. Леонтий Ростовский; 13) св. Александр Константинопольский; 14) св. евангелист Матфей;

15) св. муч. Варвара; 16) свв. князя Федор, Давид и Константин; 17) св. Петр Московский; 18) св. Иаков Ростовский; 19) преп. Савва Освященный; 20) св. апостол Тимофей; 21) преп. Варлаам Хутынский; 22) Богоматерь Феодоровская; 23) преп. Авраамий Ростовский; 24) св. муч. Леонтий; 25) преп. Ефрем Сирин; 26) св. муч. Параскева; 27) св. Феодор Ростовский; 28) св. Алексей Московский; 29) св. великомуч. Георгий; 30) священномуч. архидиакон Евпл; 31) преподобный; 32) св. апостол Фома; 33) преп. Феодор Студит; 34) св. Андрей Критский; 35) св. апостол Андрей Первозванный; 36) св. муч. Феодор Тирон; 37) св. священномуч. Игнатий Богоносец; 38) преп. Сергей Радонежский; 39) св. Феодор Стратилат; 40) св. Григорий Богослов; 41) св. царь Константин; 42) св. евангелист Иоанн Богослов; 43) св. евангелист Лука; 44) св. царица Елена; 45) св. священномуч. Власий; 46) св. Мария Магдалина; 47) св. муч. Екатерина; 48) св. князь Владимир; 49) св. Иона Московский. В этом перечне лишь одно изображение преподобного (31) не может быть определено, поскольку очень нечеткое, и сопроводительная надпись не поддается прочтению; поэтому даже не исключено, что мог быть представлен и мученик.

В оригинальности подбора сюжетов не приходится сомневаться: нет обычно встречающихся в известных комплексах, составляющих кресты на покровах дробниц, Троицы, деисусного ряда; Богоявления и св. Николая – которым были посвящены храмы в Богоявленском монастыре в Костроме, основанном в XV в. учеником и сродником преп. Сергия Радонежского – старцем Никитой, до того настоятелем Боровского Высоцкого монастыря. Однако представлен Господь Саваоф (1), вопрос о неизобразимости которого в иконографической области был основной темой суждений Большого Московского собора 1666-1667 гг., в очень резкой форме запретившего изображение Бога Отца (глава 43 «О иконописцах и Саваофе»¹¹). Следовательно можно предполагать более раннее изготовление дробниц. Почитание иконы Богоматери Знамение (10) в XVII в. было не только новгородским, но и всероссийским, равно как и находящейся в Костроме иконы Богоматери Феодоровской (22) после избрания на царский престол Михаила Романова. Вряд ли надо комментировать включение в рассматриваемый ряд таких великих христианских святых как Иоанн Предтеча (9), первоверховные апостолы Петр и Павел (3, 5), евангелисты Матфей (14), Марк (6), Лука (43) и Иоанн Богослов (42). Последние, правда представлены не компактной группой, но разрозненно. Конечно, нельзя исключать нарушение первоначального порядка при неизбежных реставрациях покрова в течение его двух векового нахождения в Богоявленском монастыре, хотя вряд ли оно могло привести к произвольному изменению иконографической схемы в целом. Из иных апостолов здесь изображены Андрей Первозванный (35), Фома (32), Тимофей (20) – апостол от 70-ти. Равноапостольными являются мироносица Мария Магдалина (46), император Константин Великий (41), константинопольская царица Елена (44) и великий князь киевский Владимир (48). К числу апостолов от 70-ти принадлежит еще Иаков брат Господень по плоти, епископ Иерусалимский (8), почитаемый также и как священномученик, пострадавший около 63 г. Его изображали с большой седой бородой, на конце разделенной на пряди, в фелони с омофором; здесь – в полиставрии.

Из вселенских учителей и святителей изображены Григорий Богослов (40) и Иоанн Златоуст (11), в саккосах, но нет Василия Великого. Есть дробница с полуфигурой еще одного Григория, в фелони с омофором, с длинной разделенной на конце бородой (7). Именно так принято представлять в византийской иконографии священномученика Григория епископа, просветителя Великой Армении, скончавшегося около 335 г. Игнатий Богоносец, священномученик, епископ Антиохийский, пострадавший в 107 г., – старец с большой седой бородой, в фелони с омофором (37). Священномученик Власий, епископ Севастийский, скончавшийся около 316 г., вопреки распространенному иконографическому типу, с короткой бородой (45). Андрей, архиепископ Критский, традиционно представлен с большой узкой бородой, в архиерейском облачении (34). Св. Александра, архиепископа Константинопольского, скончавшегося в 340 г., принято изображать с большой бородой, в фелони-полиставрии с омофором: здесь же он несколько иного облика, в саккосе (13). По-видимому, не для всех образов были данные Иконописного подлинника. Священномученик архидиакон Евпл, напротив, представлен вполне в соответствии со своим византийским прототипом, с кадиллом и ковчежцем в руках (30).

Из числа русских святителей представлены московские митрополиты Петр (17), Алексей (28) и Иона (49), ростовские епископы Леонтий (12), Иаков (18) и архиепископ Феодор (27). Все в

куколях, кроме митрополита Ионы и епископа Иакова. Это соответствует иконографической традиции, свидетельством чего служат известные произведения живописи¹², а также образцы Строгановского шитья, конца 1650-х – начала 1660-х гг.¹³

Выбор изображений преподобных, вероятно, имеет патрональный характер: Ефрем Сирийский (25), Савва Освященный (19), Феодор Студит (33). Последний представлен с молитвенно воздетыми руками перед грудью, в жесте адорации. О почитании русских преподобных говорят дробницы с полуфигурами Варлаама Хутынского (21), Авраамия Ростовского (23), Сергия Радонежского (38), Кирилла Белозерского (4), Павла Обнорского (2).

Лик мучеников представляют Георгий (29), Феодор Тирон (36), Феодор Стратилат (39), Леонтий (24), Варвара (15), Екатерина (47), Параскева (26). Это были весьма широко почитаемые во всем христианском мире святые, за исключением Леонтия – военного начальника из финикийского города Триполи, пострадавшего около 70-79 гг. Известно, что в Триполи ему была посвящена церковь; другую, в его честь построил император Юстиниан в Дамаске, а в Константинополе существовал посвященный ему храм и, кроме того, память мученика праздновали еще вблизи Камаридия. Отмечена она и в ранних русских месяцесловах.

Святые благоверные князья составляют особый лик русской святости. По замечанию Г.П. Федотова, в течение периода монголо-татарского ига «подвиг святых князей становится главным, исторически очередным, не только национальным делом, но и церковным служением»¹⁴. Кроме князя Владимира, изображенного в короне, с крестом в руке (48), здесь еще на одной дробнице представлены три фигуры ярославских князей Федора, Давида и Константина (16), вариативные в иконографическом отношении по отношению к известным по иным памятникам московского искусства, в том числе и по ювелирным изделиям¹⁵. Княживший в Ярославле смоленский и ярославский князь Федор, по прозвищу Черный, скончался в схиме в 1299 г. Церковное почитание его и двух его сыновей, зафиксированное уже на местном уровне во второй половине XV в., к середине следующего столетия оформилось в общерусское¹⁶. Иконография сложилась на рубеже XV-XVI вв., с выделением центральной фигуры рослого старца-схимника среди двух молодых князей в традиционных высоких шапках с опушкой¹⁷. В черневом изображении на дробнице как иконография, так и ее детали, значительно упрощены, если не схематизированы, причем даже в большей степени, чем на дробнице уже упомянутого покровы на гроб царевича Ивана Михайловича, 1639 г. Включение изображения могло быть обусловлено как почитанием этих князей в Северо-Восточной Руси, так и его патрональным характером по отношению к членам семьи вкладчика покровы либо к представителям правящей династии.

Логика в размещении изображений в одних случаях оказывается довольно очевидной, в других – не устанавливается столь же определенно, при этом не прибегая к произвольным истолкованиям. Стоит, однако, обратить внимание на некоторые сочетания образов. Так, вдоль креста сверху вниз по вертикали, расположены: Господь Саваоф (1), св. Апостол Петр (3), св. Апостол Павел (5), Богоматерь Знамение (10), св. муч. Варвара (15), свв. князья Федор, Давид и Константин (16), св. Петр Митрополит (17), св. Иаков Ростовский (18), преп. Савва Освященный (19), Богоматерь Федоровская (22), преп. Ефрем Сирийский (25), св. муч. Параскева (26), св. великомуч. Георгий (29). В перекрестьях здесь изображение Петра и иконы Богоматери, в основании – св. Георгий. По сторонам Богоматери Знамение – св. Иоанн Предтеча (9) и св. Иоанн Златоуст (11). Рядом с иконой Богоматери Федоровской – преп. Варлаам Хутынский (21) и преп. Авраамий Ростовский (23). Совершенно очевидно, что в основе расположения этих образов строгий порядок, при котором приняты во внимание как последовательность, так и композиционный симметризм. Поиски закономерностей могут быть более плодотворными при охвате более широкого круга аналогичных памятников, который позволит подобные наблюдения привести к более определенным и обоснованным выводам. В данном случае существенно не перейти грань, отделяющую фиксацию реалий от их комментирования с позиций современного исследователя с его субъективным восприятием выстроенного в конце XVII в. ряда священных образов, украсивших нагробный покров боярыни Е.В. Салтыковой.

При перечислении изображений отмечены лишь редкие случаи отступления от традиционной для того времени, византийской в своей основе иконографии, которой следуют преобладающее большинство образов, непосредственно ориентированных на воспроизведение икон и миниатюр. Даже по далеким от совершенства полученным репродукциям утраченных дробниц видно, что речь может идти о нескольких индивидуальных манерах, принадлежащих различным мастерам, прекрасно профессионально подготовленным. Различия проявляются не столько даже в характере рисунка, как во второстепенных и мелких деталях, значительно меньше привлекающих внимание исполнителя, а также заказчика. Общий характер черневых дробниц-медальонов стилистически принадлежит все-таки середине XVII в., но никак не 1680-м гг. Конечно, в стремлении примирить это явное противоречие можно выдвинуть предположение об исполнителях, сформировавшихся значительно раньше, но ведь не на 30-40 лет? Поэтому потенциальная возможность использования более ранних дробниц при изготовлении нагробного покрывала 1686 г. все же достаточно велика.

Характеризуя нагробный покров 1686 г. в целом, надо обратить внимание и на строгую, не слишком усложненную вязь надписи на кайме, и на употребление в надписях и монограммах характерной «сигмы» и латинских форм ряда иных литер. В надписи покойная названа как «боярыня Елена Васильевна, жена боярына Петра Михайловича Салтыкова». Петр Михайлович, скончавшийся в 1690 г., являлся доверенным лицом царя Алексея Михайловича, в 1639-1640 гг. был кравчим, а с 1657 г. – боярином, стоял во главе многих приказов, руководил следствием и судом над патриархом Никоном, являлся последовательно воеводой в Тобольске, Астрахани, Смоленске¹⁸. Салтыковы представляли один из знатных боярских родов в XVII в. В описании Костромского Богоявленского монастыря приведено очень интересное сообщение о покрове на гробе Михаила Михайловича Салтыкова, приложенном его супругой и детьми, с замечанием, что «здесь в первый раз встречается фамилия Салтыковых, которой монастырь обязан большею половиною зданий и лучшими вкладами»¹⁹. Именно М.М. Салтыковым было в 1641 г. вложено в монастырь замечательное «готическое» кадило²⁰. По ходатайству П.М. Салтыкова в январе 1645 г. царь Алексей Михайлович дал в монастырь «десять литых чугунных пушек весом в 528 пуд, да сорок ядер». В 1650 г. на деньги Салтыковых на конюшенном дворе построены каменные палаты, из которых одна «вверх о дву житиях». Стрелецкий бунт 1682 г. отнял у Петра Михайловича и Елены Васильевны их сына, затем погребенного в Богоявленском монастыре. На надгробном камне была высечена следующая надпись: «Лета 7190 месяца Маия в 15 день на память убиения святаго благовернаго Царевича Димитрия Углецкаго и Московскаго убит раб Божий стольник Федор Петрович Салтыков во смятение на Москве безвинно при державе великих Государей, Царей и великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея малыя и белыя России Самодержцев в начале царства их; а убиен в их царских чертогах, в мастерских сенях, а память тезоименитества его Июня в 8 день Феодора Стратилата»²¹. Известно, что восставшие сами принесли тело «побитого» по ошибке Федора его отцу, лишь сказавшему: «Божья воля», и приказавшему угостить пришедших. Монастырский Синодик мог бы помочь установить патрональный характер различных изображений на дробницах покрывала, уже упомянутых. Одно из таких указаний дает и цитированная здесь надпись. Думается, что причины погребения боярыни Е.В. Салтыковой в Костроме весьма понятны.

Богоявленский монастырь в Костроме оставался мужским до пожара 1847 г., после чего в конечном счете был восстановлен как женский Богоявленский-Анастасиинский монастырь, с переводом Крестовоздвиженского Анастасиинского монастыря, после чего еще раз пострадал от пожара в 1887 г.²² Поселившимся здесь монахиням уже мало было дела до истории. И.Н. Богословский в 1904 г. называл имена жертвователей, проявлявших внимание к Ростовскому музею церковных древностей, и среди них – покойного Александра, епископа Костромского²³. Именно благодаря ему покров боярыни Е.В. Салтыковой оказался в Ростове. Однако монахини во главе со своей тогдашней весьма энергичной игуменьей то ли сняли серебро с намерением употребить его на ремонт, то ли увидели в факте передачи покрывала 1686 г. в музей проявление профанации, и поэтому поспешили спороть священные изображения. В итоге дробницы исчезли бесследно, а история русской религиозной культуры конца XVII в. навсегда потеряла один из своих ценных памятников. О нем теперь только напоминает чудом уцелевшая фотография, к стати подобранная у печки.

Якорь: #prim

1. Мансветов В., свящ. Ростовский музей церковных древностей. Описание церковной утвари и предметов богослужебных, а также и царских врат, хранящихся в музее. Изд. 2-е. Ярославль, 1889. С. 36.
2. Богословский И.Н. Путеводитель по Ростовскому музею церковных древностей. М., 1911. С. 51-52.
3. Инв. № К-16284; Т-3235. Приношу искреннюю благодарность за помощь в изучении покрыва и относящейся к нему музейной документации В.М. Уткиной и В.К. Кривоносковой.
4. С.С. Каткова, к которой я обращался за справками относительно положения с антикварными вещами в Костроме в конце XIX в., любезно мне сообщила, что в описях Ипатьевского монастыря значатся на хранении в ризнице дробницы со старых покрывов, споротые «на всякий случай». Старые басмы переплавляли как ветошное серебро на новые венчики и басмы. Археологи в данном случае просили покрыв, но, вероятно, не упомянули о дробницах, и поэтому рачительные монахини не могли упустить возможность оставить у себя серебро.
5. Репродукционные работы осуществлены О.А. Андроновой, заведующей отделом автоматизации, программного обеспечения и издательской деятельности Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле», которой выражаю сердечную благодарность. Ее опыт, думается, может быть плодотворно применен в подобных случаях, когда старая фотофиксация оказывается непригодной для воспроизведения в печати.
6. Сизов Е.С. О некоторых изначальных чертах интерьера Архангельского собора // Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1980. С. 103. Ил. 7.
7. Цит. по: Спирина Л.М. Неизвестные произведения искусства и исторические документы, связанные с погребальным комплексом Годуновых // Памятники культуры. Новые открытия. 1980. Л., 1981. С. 458, 460.
8. Там же. С. 460. Ил. на с. 459; Спирина Л.М. Святые князя Борис и Глеб на произведениях золотого и серебряного дела XVI-XVII вв. из собрания Сергиево-Посадского музея-заповедника // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 450-451. Рис. 100-102. С нагробного покрыва царя Бориса Годунова сохранилась лишь упомянутая в Описи большая дробница (рис. 95, 96).
9. Забелин И.Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. 2. М., 1901. С. 158; Золото Кремля. Русское ювелирное искусство XII-XX веков. Каталог выставки. Мюнхен, 1989. Кат. 30.
10. См.: Манушина Т. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983.

11. Подробнее см.: Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Париж, 1989. С. 315-352.
12. Иконография ростовских святых. Каталог выставки. Авт.-сост. А.Г. Мельник. Ростов, 1998.
13. Искусство Строгановских мастеров: реставрация, исследования, проблемы. Каталог выставки. М., 1991. С. 160-162. Кат. 106, 107.
14. Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X-XVII ст.). 3-е изд. Париж, 1985. С. 72.
15. Ср.: Золото Кремля. Кат. 30.
16. Голубинский Е. История канонизации святых в Русской Церкви. Сергиев Посад, 1984. С. 48-50.
17. Якунина Л.И. Памятник портретного шитья конца XV века // Древнерусское искусство XV – начала XVI веков. М., 1963. С. 263-284. Ил. на с. 264, 270, 271.
18. Дворянские роды Российской империи. Т. 2. Спб., 1995. С. 206.
19. Исторические известия о Костромском Богоявленском монастыре с XV по XIX век. Спб., 1837. С. 16.
20. Там же. С. 17-18; Постникова-Лосева М.М. Мастера-серебряники городов Поволжья XVII века: Ярославль, Нижний Новгород, Кострома // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 300. Ил. на с. 302.
21. Исторические известия... С. 26.
22. Подробнее см.: Баженов В. Костромской Богоявленско-Анастасиинский монастырь. Исторический очерк. Кострома, 1895; Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 330-335. №№ 348-351.
23. Богословский И. Описание икон, хранящихся в Ростовском музее церковных древностей. Ярославль, 1904. С. 3-4.